его не только, так сказать, в теоретическом плане, и даже не только в плане определения национального начала в произведении писателя-билингва. Эти вопросы Пулатов связывает с психологическим формированием личности, с восприятием ребенком двух языков в семье. В повести «Хор мальчиков» Пулатов пишет: «Часто прислушивался он к тому, как одну и ту же вещь или одного и того же человека, скажем, его самого, по-разному называли бабушка, говорящая по-таджикски, и отец, когда беседовал он с дедушкой из деревни по-узбекски. Думал, что стоит, наверное, о чем-то сказать по-таджикски, как оно тут же напугает, смутит: ушиб, боль, смерть. А если по-узбекски — успокоит, порадует. И наоборот, „снег“, „свет“, „игра“, сказанные по-узбекски, разозлят, а по-таджикски — вызовут восторг (...) Впрочем, были и слова, которые произносились на обоих этих языках одинаково, с общим смыслом: мама, папа, брат, бабушка и его имя — Душан, все, что было для него особенно близким, пожалуй, самым близким из всех остальных слов. Но их было мало, и вот они-то и были окружены тайной. Почему их произносят одинаково? Не потому ли, что они никогда не имеют другого смысла, кроме хорошего, и поэтому не раздваиваются, чтобы одних пугать, а других успокаивать? И почему их так мало? Не потому ли, что все страшное и таинственное существует не само по себе в отдельности, а живет в словах; стоит их только произнести, как страшное проявляется, а молчи и не называй — страшного нет и не было». Глубоко проникая во внутренний мир ребенка, писатель показывает усвоение им двух языков, связывая этот процесс с эмоциональным восприятием и мыслительной деятельностью. Все это Пулатов делает средствами русского языка, даже не прибегая к лексическим вкраплениям из узбекского или таджикского.

Создание национальным писателем произведения на русском языке так или иначе влечет за собой поиск средств и приемов, передающих и отражающих национальное начало [1]. Сталкиваясь с этим явлением в процессе творчества, писатель иногда включает его в сюжетный ход повествования. Петр Киле рассказывает: «„Кочка, лес, вода,— произносил я русские слова.— Похоже, я думаю по-русски!“ (...) Ленка взялась за портфель... Я спросил, на каком языке она думает: на русском или нанайском? Она никак не могла сообразить» («Птицы поют в одиночестве»).

Но между детским восприятием двух языков и творческим процессом писателя-билингва можно установить только опосредованную связь. По-видимому, глубина различий между русским языком и родным языком писателя усложняет поиск приемов, способствующих сохранению национальной специфики художественного произведения. Владимир Санги пишет: «Когда я собирал легенды моих соплеменников, записывая их на родном, нивхском языке, я и не подозревал, что потом, при переложении их на русский, встречусь с величайшими затруднениями. Своеобразие — я имею в виду форму изложения мысли — мышления моих соплеменников столь отлично от мышления, допустим, русского человека, что существующие стилистические модели и из русской, и из мировой классики не могли дать сколько-нибудь приемлемых образцов. Мало утешительного принес и фольклор других народов, переложенный на русский.

И тут на помощь мне пришел сам язык. В своих мучительных и радостных поисках я вдруг обнаружил: русский язык обладает поистине величайшими, неограниченными возможностями! Когда я прочитал моим соплеменникам их же легенды, переложенные на русский, они сказали: „Смотри-ка, звучит совсем как по-нивхски“. И я понял, что получил от них „добро“» [8].

---

[1] Как известно, связь формы языкового выражения с мышлением — одна из сложнейших проблем лингвистики.